

АГАТА КРИСТИ

АГАТА КРИСТИ

Горе невинным

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie

ORDEAL BY INNOCENCE

Copyright © 1958 Agatha Christie Limited.

All rights reserved

AGATHA CHRISTIE and The Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Серия «Pocket book»

Оформление *А. Саукова*

Серия «Культурная классика»

Оформление *Н. Ярусовой*

Кристи, Агата.

К82 Горе невинным / Агата Кристи ; [пер. с англ. Ю. Р. Соколова]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094797-3 (Культурная классика)

ISBN 978-5-04-094796-6 (Pocket book)

Два года прошло с тех пор, как Джек Эрджайл, осужденный за убийство матери, умер в заключении – умер, нося на себе клеймо самого страшного преступления, какое только можно себе вообразить. И никто не прислушивался к его словам о том, что он невиновен. Но вдруг ситуация меняется – из антарктической экспедиции возвращается полярный исследователь доктор Калгари. Он точно знает, что у Джека было алиби, и полон решимости отыскать настоящего преступника и оправдать осужденного, пусть и посмертно. Семья Эрджайла недовольна таким поворотом событий: теперь оказывается, что убийца – кто-то из них, вполне благопристойных граждан...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Соколов Ю.Р., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-094797-3

ISBN 978-5-04-094796-6

*Билли Коллинзу
в знак признания и благодарности*

Если я буду оправдываться,
то мои же уста обвинят меня;
если я невинен,
то Он признает меня виновным.

Иов, 9:20

ГЛАВА 1

I

Уже смеркалось, когда он вышел к переправе, хотя мог прийти сюда и много раньше. Правда заключалась в том, что он оттягивал этот миг так, как только мог. Сперва отобедал с друзьями в Редки; легкий и бесцельный разговор, обмен свежими сплетнями об общих знакомых — все это означало только то, что внутренне он стремится уклониться от предстоящего дела. Друзья пригласили его остаться на чай, и он согласился. Однако наконец пришло время, когда он понял, что больше оттягивать уже невозможно.

Нанятая им машина уже ждала его. Он распрощался и отбыл, для того чтобы проехать семь миль по прибрежной дороге, а потом свернуть в лесную аллею, заканчивавшуюся возле небольшой каменной пристани на речном берегу. Над ней был подвешен большой колокол, в который нанятый им водитель энергично позвонил, чтобы вызвать перевозчика с того берега.

— Не хотите, чтобы я подождал, сэр?

— Нет, — ответил Артур Калгари. — Через час за мной сюда должна приехать машина, чтобы отвезти в Драймут.

Получив плату вместе с чаевыми, водитель собрался отъехать. Вглядываясь в укрытую полумраком реку, он промолвил:

— А вот и паром, сэр.

Негромко пожелав доброй ночи, водитель развернул машину и направил ее вверх по склону. Артур Калгари остался на пристани в одиночестве. В одиночестве — и вместе со своими мыслями и неприятием того, что ему предстояло. Какие дикие места, подумал он. Нетрудно было представить себя на берегу шотландского *лоха* вдали от всего на свете. Тем не менее всего в нескольких милях отсюда располагались отели, магазины, коктейль-бары многолюдного Редки. Он погрузился — уже не впервые — в размышления о чрезвычайных контрастах английского ландшафта.

С негромким плеском весел к причалу небольшой переправы подошла лодка.

Артур Калгари сошел вниз по наклонному настилу и перешел в лодку. Паромщик придержал ее багром. Старик этот произвел на Калгари странное впечатление: он словно бы составлял единое и нераздельное целое со своей лодкой.

Когда паромщик оттолкнул свое суденышко от причала, с моря донеслось холодное дуновение.

— Прохладно сегодня вечером, — пожаловался старик.

Калгари отреагировал подобающим комментарием. А потом согласился с тем, что еще вчера было теплее.

Он ощущал — или же ему казалось, — что читает в глазах лодочника скрытое любопытство.

Перед ним находился незнакомец — причем после завершения туристического сезона. Более того, переправлявшийся в неурочный час — слишком поздний для того, чтобы можно было выпить чаю в кафе у пристани. При нем не было багажа, и поэтому можно было думать, что он не собирается оставаться на ночлег. (Действительно, подумал Калгари, зачем я так затягивал время? Не потому ли, что подсознательно как можно дальше отодвигал от себя этот момент, оставляя то, что надлежит сделать, на возможно поздний момент?) Время перейти Рубикон — реку... реку...

Память его обратилась к другой реке — Темзе. Он смотрел на ее воды незрячими глазами (неужели это было только вчера?), а потом глянул в лицо человека, сидевшего напротив него за столиком. В эти задумчивые глаза, в которых таилось нечто такое, чего он не умел понять. Сдержанность, некая мысль, осознанная, но не произнесенная. «Наверное, — подумал он, — глаза эти просто не способны выдать мысли своего хозяина».

Если подумать как следует, перспектива была откровенно жуткой: он должен исполнить то, что надлежит исполнить, — а после того *забыть!*

Калгари нахмурился, вспоминая вчерашний разговор. Этот тихий, приятный и безличный голос, говоривший:

— Вы вполне уверены в направлении собственных действий, доктор Калгари?

Он с жаром ответил:

— Что еще я *могу* сделать? Конечно, вы понимаете меня? А потому должны согласиться с тем, что уклониться я не могу.

Тем не менее он не понял взгляд смотревших на него отстраненных серых глаз и потому был слегка смущен ответом.

— Вопрос следует рассматривать со всех сторон — учитывая все его аспекты.

— Однако с точки зрения правосудия может существовать всего один аспект.

Он говорил горячо, на мгновение подумав, что слышит неблагородное предложение «замять» дело.

— В известной мере да. Однако, знаете ли, здесь кроется нечто большее. Большее, чем — скажем так — правосудие.

— Я не согласен. Надо думать и о его родственниках.

Собеседник торопливо произнес:

— Именно — да-да — именно о них я и думал.

С точки зрения Калгари это была полная чушь! Потому что если думать о *них*...

Однако тот, другой, проговорил, не меняя приятной интонации:

— Впрочем, всё полностью в ваших руках, доктор Калгари. Конечно, вы должны поступать именно так, как считаете нужным...

Лодка причалила к берегу. Он пересек свой Рубикон.

С мягкой интонацией уроженцев западного края паромщик произнес:

— С вас четыре пенса, сэр, или вы хотите вернуться?

— Нет, — проговорил Калгари. — Возврата не будет. — (Какие зловещие слова!)

Заплатив, он спросил:

— А не укажете ли мне дом под названием «Солнечный мыс»?

Любопытство из завуалированного немедленно перешло в открытое. В глазах старика сверкнул явный интерес.

— Конечно. Вон там, впереди и направо, — если видите между деревьями. Надо подняться на холм, потом свернуть по дороге направо, а потом — по новой дороге через поселок. Последний дом — в самом конце.

— Благодарю вас.

— Так вы сказали «Солнечный мыс», сэр? Это где миссис Эрджайл...

— Да-да, — оборвал его Калгари. Он не хотел никаких обсуждений. — «Солнечный мыс».

Странная улыбка неторопливо искривила губы перевозчика, вдруг сделавшегося похожим на древнего и лукавого фавна.

— Это она сама назвала так дом — во время войны. Это был новый дом, конечно, только что построенный, и у него не было имени. Однако место, где он стоит, — этот поросший деревьями пятючок всегда назывался Гадюкиным мысом, вот так! Однако Гадюкин мыс не подходил ей — не годился в название дома. Так он и стал для нее «Солнечным мысом». Но мы сами, как и прежде, зовем его Гадюкиным — так, как и звали.

Калгари отрывистым тоном поблагодарил старика, попрощался и направился вверх по склону. Местные жители, похоже, все уже сидели по домам, однако ему казалось, что из окон коттеджей за ним наблюдают незримые глаза — наблюдают,

зная, куда он идет. И переговариваются между собой: «Он идет на Гадюкин мыс...»

Гадюкин мыс. Насколько жуткое, но уместное имя.

*Во сколько раз острее зубов змеиных...*¹

Он резко осадил себя. Надо собраться и направить свой ум в точности по намеченному пути.

II

Калгари дошел до конца красивой новой улицы, по обе стороны застроенной не менее красивыми и новыми домами, каждый с садиком в одну восьмую акра², засаженным очитками, хризантемами, розами, шалфеем, геранью — в сочетаниях, отражавших личный вкус владельца или владелицы дома.

В конце дороги маячила калитка с надписью готическими буквами: «Солнечный мыс». Открыв ее, Калгари направился по ведущей к дому короткой дорожке. Дом находился впереди него, добротно построенный и безликий, с крышей уголком и с крыльцом. Подобный ему нетрудно увидеть в любом состоятельном пригородном поселке и вообще в новой застройке. С точки зрения Калгари, он был недостоин окружающего пейзажа. Ибо вокруг открывался воистину великолепный вид. Река крутым поворотом огибала мыс, разворачиваясь почти в обратную сторону. Напротив поднимались лесистые холмы; слева, вверх по течению

¹ Шекспир У. «Король Лир». Пер. А. Дружинина.

² 1 акр = 0,4 га; т.е. с участком в 5 соток.

нию, угадывалась предшествующая излучина, за ней луга и сады.

Калгари на миг застыл, обводя взглядом все протяжение реки. Тут надо было построить замок, подумал он, невозможный, забавный сказочный замок! Из тех, которые делают из пряников или сахарной глазури. Но здесь доминировал хороший вкус, сдержанность, умеренность, большие деньги и полное отсутствие воображения.

Винить за это Эрджайлов, собственно, не стоило. Они всего лишь купили дом, но не строили его. И все же они или одна из них (миссис Эрджайл?) предпочли его другим вариантам.

Сказав себе: «Больше откладывать невозможно», Калгари нажал кнопку электрического звонка возле двери — и замер, выжидая. Выдержав благопристойный интервал, нажал на нее снова.

Шагов внутри дома он не услышал, однако дверь без всякого предупреждения распахнулась.

В изумлении он сделал шаг назад. Его перевозбужденному воображению показалось, что путь ему преградила сама Трагедия. Молодое лицо... действительно именно в юности кроется во всей остроте самая сущность трагедии. Трагическая маска, подумал он, всегда будет изображать молодое лицо... Беспомощное, с печатью предопределения, со знаком приближающегося рока...

Осадив себя, он невольно подумал: наверное, ирландка. Васильково-синие глаза, темные тени вокруг них, густые черные волосы, скорбная краса лепки костей черепа и скул...

Девушка замерла на месте... молодая, наблюдательная и враждебная.

— Да? Что вам угодно? — наконец спросила она.

Он не стал ничего придумывать.

— Мистер Эрджайл дома?

— Да. Только он не принимает людей... То есть тех людей, кого не знает. Вы ведь не знакомы с ним, так?

— Нет. Он не знает меня, однако...

Она начала закрывать дверь.

— Вам следовало бы написать...

— Простите, но мне необходимо встретиться с ним. Я имею дело с... мисс Эрджайл?

— Да, — без особой охоты согласилась она, — я — Эстер Эрджайл. Однако мой отец не принимает людей без предварительной договоренности. Напишите ему.

— Я приехал издалека...

Слова эти не тронули ее.

— Так все говорят. Но я надеялась, что мир наконец избавился от этой привычки. — И полным обвинения тоном продолжила: — Надо полагать, вы — репортер?

— Нет-нет, ничего подобного.

Явно не веря, она смотрела на него подозрительным взглядом.

— Ну и что же вам нужно в таком случае?

За ее спиной в прихожей Калгари заметил другое лицо... пресное, невыразительное. Описывая, он уподобил бы физиономию этой женщины средних лет блину, к верхней части которого прилепился завиток седеющих светлых волос. Особа эта, выжидая, застыла за спиной девушки подобно притаившемуся, но внимательному дракону.

— Мое дело касается вашего брата, мисс Эрджайл.

Эстер резко вздохнула и недоверчивым тоном спросила:

— Майкла?

— Нет, вашего брата Джека.

Она взорвалась:

— Так я и знала! Я знала, что вы явились по поводу Джека! Ну почему вы не можете оставить нас в покое? Все закончено и забыто. Зачем продолжать?

— Однако полной уверенности в том, что все действительно кончено, никогда не бывает.

— Но здесь-то все *действительно* кончено! Джека мертв. Или вы способны оживить его? История дописана. И если вы не журналист, значит, вы доктор, психолог или кто-нибудь в этом роде... Пожалуйста, уходите. Моего отца нельзя беспокоить. Он занят.

Девушка снова начала закрывать дверь. Торопливым движением Калгари сделал то, с чего ему следовало бы начать разговор: он извлек из кармана письмо и протянул ей.

— У меня письмо к нему — от мистера Маршалла.

Эстер отступила. Пальцы ее с сомнением взяли конверт. Она с нерешительностью произнесла:

— От мистера Маршалла... из Лондона?

К ней вдруг присоединилась женщина средних лет, таившаяся в недрах прихожей. Она с подозрением уставилась на Калгари, и взгляд ее напомнил ему заморские монастыри. Конечно же, такое лицо могло принадлежать только монахине! Оно